

С РАЗНЫХ ШИРОТ ШВЕЦИЯ

Остров Форе находится в Балтийском море между Швецией и Советским Союзом. Шведы называют его «островом Бергмана», с тех пор как режиссер обосновался здесь: построил дом, оборудовал маленькую киностудию, а произошло это восемнадцать лет назад.

Метрах в ста от пляжа в окружении кирпичной стены и ряда кривых деревьев стоит выкрашенный желтой краской дом. Здесь, в кабинете, за письменным столом, поставленным против белой стены, работает Бергман ежедневно, с семи утра до четырех дня. Его последние фильмы, в частности, «Фанни и Александр», тоже родились здесь, на берегу моря.

Итальянский журнал «Панорама» опубликовал беседу с Ингмаром Бергманом. Мы перепечатываем ее с сокращениями.

Сорок четыре ленты снял режиссер, и все они для него нечто вроде портрета Дориана Грэя. Бергман во имя собственного освобождения перенес в эти ленты и свою тоску, и муки поисков, которые он пережил.

— Я всегда говорил только своим собственным голосом, носил только то, что по мне, хотя это доставалось мне недешево, — говорит он.

Остров, на котором он живет, вовсе не стал для него башней из слоновой кости. Острову Форе и его забытым властями обитателям он посвятил два документальных телефильма.

«Настоящий урок киностилистики. Эти фильмы по силе политического обвинения превосходят многие ленты политического кино», писала о них критика.

Простые люди острова платят режиссеру такой же любовью.

— В тот вечер, когда мы узнали о присуждении ему премии Оскара, мы все чувствовали себя немного режиссерами, — говорят они.

Достигнув порога 66 лет, Бергман говорит:

— Я ухожу из кино, но не могу отказаться от театра.

Бергман только что приехал из Мюнхена, после премьеры спектакля «Из жизни земляного червя», поставленного по психологическому детективу современного шведского драматурга Олова Эндквиста.

После премьеры Бергман вернулся на свой остров. А мир продолжает говорить о нем. Недавно на фестивале в Каннах был показан вне конкурса короткометражный телевизионный фильм «После репетиции», посвященный его работе в театре.

Вот что рассказывает Ингмар Бергман о своей работе, о своих планах.

— Фильмы всегда были для меня каким-то наваждением. Я просто не мог не снимать их, мне надо было выразить то, что думаю, установить контакт с людьми. Я работал в кино более сорока лет. Это очень трудная профессия. Восемьдесят — сто дней без перерыва ты находишься в напряжении — должен каждый день снять то, что потом превратится в три минуты фильма, и чтобы это было на самом высоком уровне. Становишься частью фильма, и фильм становится частью тебя, важнейшим делом твоей жизни. Это самая жестокая

профессия, какую только можно себе представить. А у меня уже нет тех возможностей, я не могу отдавать всего себя этой работе, как раньше, поэтому и предпочел более здоровую, менее нервную работу в театре.

— Гольдони говорил, что жизнь — это театр. Для Бергмана это так же?

— Нет. Постепенно я оставляю театр, и мою профессию режиссера. Я уже начал — с кино. Это происходит естественно, как естественно за летом приходит осень, а за ней — зима. Внимание, любопытство, которое вызывают во мне человеческие существа, бесконечно растет. Мне нравится наблюдать за ними, следить, как жизнь меняет их. Теперь постепенно пробуждается во мне этот интерес, это новое отношение к моим детям и к моим чувствам. Это переполняет меня, и я очень счастлив.